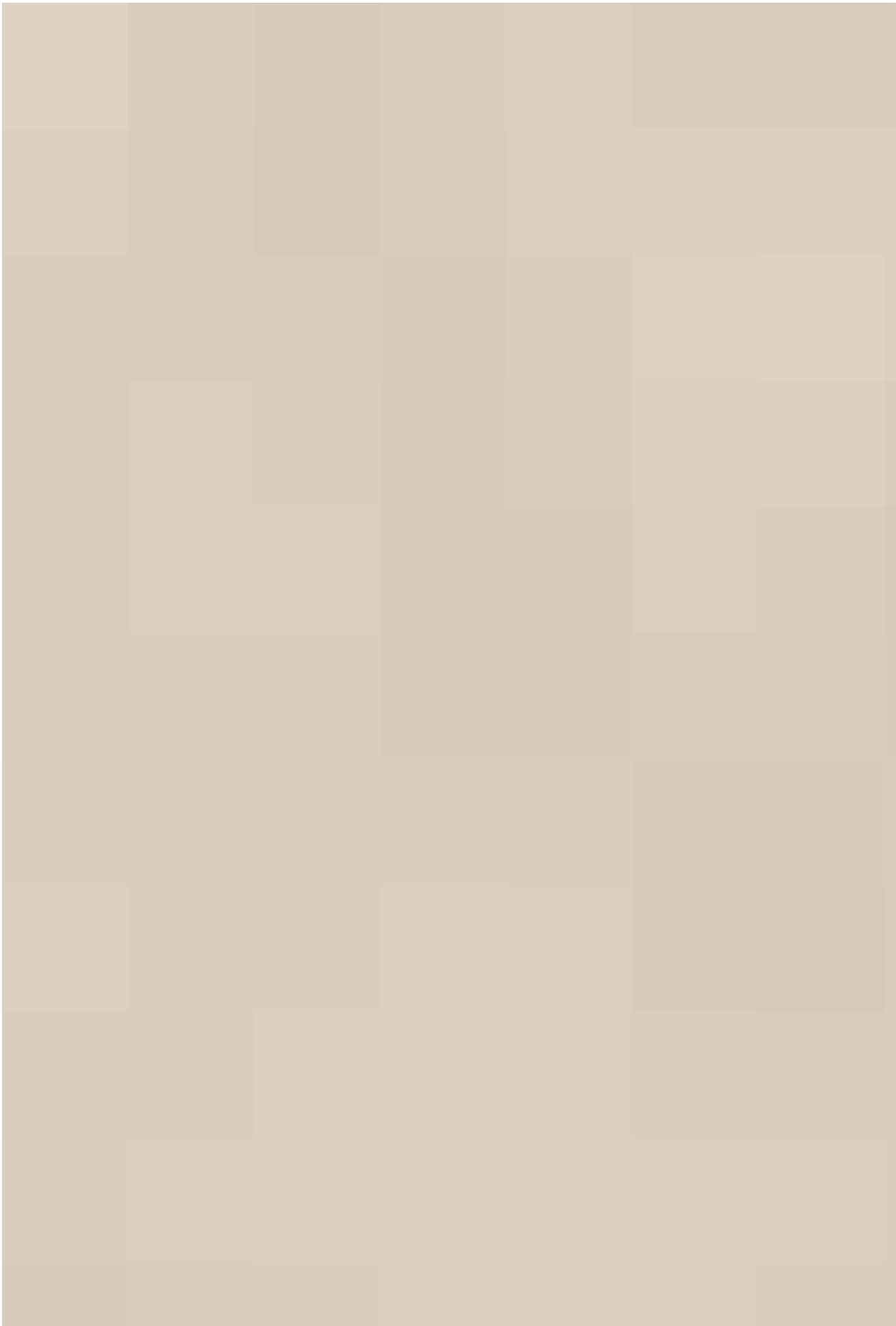

Андрей Неклюдов

Тундровая болезнь (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
Тундровая болезнь (сборник): 2016*

Аннотация

В сборник петербургского писателя Андрея Неклюдова «Тундровая болезнь» вошли повести и рассказы, посвященные Жизни во всех ее проявлениях. Здесь и щемящие рассказы о человеческих взаимоотношениях, пронизанные и любовью, и болью, а иногда повествующие и о темной стороне души.

Здесь и рассказы о встречах и геологических приключениях, о которых автор знает не понаслышке, поскольку сам много лет проработал геологом, побывал в экспедициях на Дальнем Востоке, в Якутии, Сибири, Монголии, на Урале, севере Европейской части страны будучи специалистом по золоту и кандидатом геолого-минералогических наук.

Возьмем повесть «Тундровая болезнь», давшая название сборнику и открывающая его... Ненецкий бог тундры Нум. Это, конечно же, миф. Но что-то упорно противодействует геологам в их поисках урана и золота. Природа то как будто отвлекает их от дела невиданным клёвом, то обрушивает на лагерь чудовищную бурю. А люди при этом ссорятся между собой и совершают странные поступки, объясняя это себе так называемой тундровой болезнью...

О чем бы ни писал Андрей Неклюдов, его произведения всегда читаются с большим интересом и навсегда оставляют след в душе и памяти. И даже описания природы, которые читатели в других книгах порой пролистывают, считая их скучными, у него описаны так увлекательно и реалистически, что пролистнуть их никто не сможет. Автор с первых строк вовлекает читателя в мир своих героев, заставляя пережить все происходящее с ними словно наяву.

Содержание

Тундровая болезнь	5
1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
7	20
8	22
9	25
10	27
11	29
12	32
Как помочь Гере?	34
1	34
2	36
3	38
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Неклюдов

Тундровая болезнь (сборник)

© 2016, Институт соитологии

* * *

Тундровая болезнь

Повесть

1

Горы маячили впереди голубоватым призраком, более родственным небу, чем земле. И сколько мы ни ехали, они оставались все такими же далекими и бесплотными.

Вездеход шел загруженный под завязку – ящики, баулы, зачехленные палатки и металлические каркасы к ним, крафтовые мешки с сухарями... Сверху, на баулах и ящиках, восседали мы сами, шесть человек, точно десантники, завоеватели чужих земель. Большая часть груза была забита в пропитанную соляными парами брюшную полость транспорта. Мы не ехали покорять Арктику, но по тому, сколько мы везли всего, можно было решить, что это именно так.

– И что же там, совсем не развести костер? – преодолевая шум мотора, расспрашивал я Антона, который уже бывал на полярной оконечности Урала. – В маршруте даже чаю не вскипятить?

– Почему же? Если постараться, можно насобирать хворостинок, – с белозубой улыбкой поделился тот. – Береза, ива... Карликовые, правда. Это по долинам. А вот в горах, – еще шире улыбнулся он, – или голые камни, или снег.

– До нас там золото находили? – повернулся к нам Серега, до этого отрешенно взиравший по сторонам.

– Нет. Потому и пригласили таких опытных шлиховщиков, как ты и Гена, – Антон подмигнул мне. – Домой не отпустим, пока не найдете россыпь.

Повезло нам: не часто попадают веселые начальники.

С нами ехал сейчас и главный геолог партии Глеб – организовать работу на месте.

Глеб был немногословен, жилист и бородат. Видимо, услышав слова Антона, он привалился ко мне и прокричал в самое ухо:

– Обязаны найти! От этого зависит всё – финансы, зарплата и вообще... судьба всего проекта!

Он явно был настроен на большие свершения. Поэтому, наверное, мы и выехали в ночь.

– Почему было не поехать с утра? – скривил физиономию студент Лёньчик, маленький, вертлявый и отнюдь не настроенный на большие свершения.

– Утро, ночь – какая разница?! – убежденно воскликнул Глеб. – Сейчас полярный день, работать можно сутками.

– Же-е-есть! – отреагировал Лёнька на перспективу работать сутками.

В дороге Глеб рассказал нам, как с первым отрядом они ставили лагерь под проливным дождем и ураганным ветром: палатки летали по воздуху, а люди были мокрые до нитки, но с задачей справились, после чего устроили триумфальный огонь, пустив на это полбочки солянки.

– Вот это круто! – заключил он. – Тундра – она признает только силу.

Транспорт наш именовался МТЛБ – многоцелевой тягач лёгкий бронированный – проще говоря, бронетранспортёр советских вооруженных сил, предназначенный в основном для буксировки пушек. Многие из таких машин перешли нынче на гражданскую службу – в частную собственность.

Сейчас наш «бронетягач» мчался напролом по зарослям низкорослого ивняка, по плещущим под гусеницами, хлюпающим болотам, так что сзади летели на наши спины ошметки торфяной грязи. Он грозно ревел и выдувал толстую струю дыма. Он казался нам могучим и непобедимым. Такими же сильными казались себе и мы.

В дорогу мы взяли пиво, и после того как пластиковая бутылка несколько раз прошла по кругу, стало даже весело, несмотря на ночь и неизвестность, когда и где станем лагерем.

Царил светлый сумрак полярной ночи (или полярного дня?). Слева по горизонту тянулась огневая полоса негаснущего заката. Часа в два краешек солнца снова выглянул из-за пологих холмов. А прямо по курсу все тем же потусторонним призраком выступал горный кряж Полярного Урала. Нам предстояло не просто достичь его, но проникнуть в его лабиринты, забраться на его высоты. И не только забраться, а найти там полезные ископаемые – золото и уран. И тогда, быть может, в этот мертвый студеной край придет тепло, свет, современные дома и асфальтовые дороги. Придет жизнь.

...На реке Кáре случилась первая незначительная поломка: преодолев широкий шумный перекал и выехав на галечную косу другого берега, обнаружили, что река похитила у нас один каток.

Глеб тотчас же развернул до упора свои болотные сапоги и пустился бродить по перекалу, оптимистично рассчитывая наткнуться на слетевшее колесо. Остальные, к этому времени притомленные, озябшие и сонные, предпочли роль зрителей.

Каток не нашелся, и водители хмуро принялись возиться возле гусынок (как здесь называют гусеницы), устанавливая запасной.

Двинулись дальше, но уже не столь бодро: пиво кончилось, вездеход уже не казался нам неуязвимым, всех морил сон и першило в горле от нескончаемых выхлопных газов. И такой же нескончаемой казалась дорога.

Однако с какого-то момента миражные горы впереди потемнели, налились плотью и стали быстро и грозно расти ввысь и раздаваться вширь.

Часам к семи утра вползли в долину, зажатую между темно-лиловыми горными громадами. Но не проехали и нескольких километров, как остановились. Двигатель смолк.

После многочасового рева тишина показалась странной, чуть ли не загробной.

– Опять сломались? – окончательно очнулся я от полудремы.

– Водилам надо отдохнуть – часа три поспать, – пояснил успевший прыгнуть на землю и перетолковать с вездеходчиками Глеб.

Нехотя мы тоже спускаемся на мох, прямо в объятия полчищ комаров.

...Три часа давно миновали. Мы несколько раз кипятили чай, слопали дюжину банок консервов, бродили по округе, пытались спать, доверчиво намазавшись антикомарином, а «танкисты», как называл вездеходчиков Серега, всё не показывались из своего «танка». Время шло.

Между тем в окружающей природе произошли перемены. Освещение сделалось блеклым, стеклянистым, горы – более строгими, а в вырезе между хребтами постепенно густела какая-то нехорошая пенная накипь.

– Как бы погода не подвела, – выразил я беспокойство.

– И вездеход, – прибавил вихрастый молодой специалист Никита.

– Не понимаю: какой смысл было торопиться, выезжать в ночь, чтобы теперь куковать, пока танкисты дрыхнут?! – недоумевал Серега, расхаживая взад-вперед.

В это время неподалеку за холмом, куда отправился с ружьем Глеб, хлопнул выстрел.

Скоро появился и сам охотник, неся за уши здорового серого зайца, задние лапы которого волочились по земле.

– Похлебку сварим, – бросил Глеб добычу у костра.

Но тут из кабины высунулась заспанная круглая физиономия помощника водителя Кольки.

– Ну что, поехали? – потягиваясь, пробормотал он.

– Чаю выпьем и поедем, – показался следом за ним пожилой, насквозь пропитанный соляжкой и машинным маслом вездеходчик Михалыч.

Миновало еще полчаса. Наконец завелись. Зайца забросили наверх на кучу вещей, влезли сами, тронулись.

Как раз в это время заморосил дождь. Сперва жиденький, осторожный, как будто прощупывающий обстановку, потом все более бесцеремонный.

2

Огромный темно-серый брезент вырывается из рук, хлопает закраинами, провисает над нами мешками дождевой воды и нещадно протекает. Вода холодными струйками бежит по моей руке, которой я кое-как придерживаю край брезентового покрывала, капает на шею, накапливается в ямке, продавленной мною в вещах. Тягач то ныряет носом в какие-то рытвины, и мы едва не слетаем с него вперед, то встает на дыбы или угрожающе кренится набок, заставляя нас судорожно цепляться за борта. Поначалу в такие моменты я лихорадочно соображал, в какую сторону прыгивать, если начнем опрокидываться. Но потом, когда накрылись брезентом и шансов прыгнуть практически не осталось, отдался на волю судьбы.

Рядом, весь мокрый, подобрав свои длинные ноги, трясется Серега. Студент Лёнька матерится, перекикивая гул двигателей. И все мы, скрючившиеся, походим на гигантских ископаемых улиток.

Вдобавок у нашего броневика периодически что-то ломается. То ленивец (задний неведущий каток) выскакивает из коллективной дорожки, и приходится разбивать гусеницу, чтобы вернуть его на место. То выпадает из трека «палец». И всякий раз при этом мы слазим, и без того промокшие, под мерзкий дождь, уныло и уже заученно открываем заднюю дверцу грузового отсека и начинаем выкидывать оттуда наши рюкзаки и крайние тюки, освобождая доступ к механизму, ослабляющему или, наоборот, подтягивающему гусеницы.

– Много еще осталось? – каждый раз допытывается у Глеба Михалыч.

– Не очень, – уклончиво отвечает главный. – По прямой – километров десять.

Я помню карту и понимаю, что нам ползти в глубь гор еще не меньше тридцати км.

Так, приуменьшая оставшийся путь и при всякой остановке наливая измученным «танкистам» граммов по пятьдесят водки, наш командир, видимо, поддерживает их боевой дух.

Между тем дорога (вернее, бездорожье) становится все хуже. Временами тягач пятится назад и подолгу ищет объездной путь. Глеб, мокрый как и все, соскакивает на землю и шагает впереди, высматривая безопасный проезд.

Съезжая с очередного увала вниз к ручью, мы вдруг словно натываемся на невидимую преграду. Яростно рыча, машина вращает гусеницы, но мы не сдвигаемся ни на сантиметр. Вращает в обратную сторону – ноль. Заглушились.

Угрюмые, прыгиваем на землю, расквашенную, чавкающую под сапогами. В немом оцепенении созерцаем сцену: точно жук-землерой, вездеход носом зарылся в грунт. Точнее, в бурю тестобразную глину, покрытую сверху предательской щеточкой ярко-зеленого мха и пучками травы.

– Плывун, – коротко комментирует ситуацию вылезший из люка Михалыч. – Это самое херовое, ёлкина мать...

Хуже того: это не просто глина, а глина, наспигованная валунами и обломками камней, которые, забиваясь между катками и гусеницей, грозят порвать ее.

Случившееся не уместается в сознании: увязнуть не в болотистой тундре, а в горах! Абсурд.

– Что делаем? Разгружаемся? – энергично восклицает Глеб, и я ужасаюсь такой перспективе.

– Ослабим гусянки. Будем откапывать, вытаскивать камни. Попробуем подкладывать ваши бревна, й#й#ёлкина...

Достаем лопаты; переворошив, частично сбросив на землю наш груз, добираемся до бревен, предназначенных для растопки печек.

...Дождь. Нескончаемый садистский дождь. Застывший, словно навсегда вросший в землю силуэт вездехода. Серые, шатающиеся, похожие друг на друга фигуры коллег. Лица

уже не просто хмурые, а мрачно-ожесточенные. Ковыряем вокруг вездехода полужидкую глину, которая тут же снова оплывает в канаву, а вслед за ней – и мы. Хочется упасть в эту грязь и не шевелиться. Подсовываем под гусеницы бревна, крупные валуны. Вездеход рвется то вперед, то назад, но, похоже, только сильнее погружается в трясину.

Обступившие нас горы, чудится мне, взирают на нас без малейшего сочувствия, скорее даже злорадно. Вездеход стоит, время стоит, идет лишь дождь да мы, покачиваясь, откинувшись назад и широко расставляя ноги, таскаем устрашающие валуны.

Как бы я хотел, чтобы это был сон. Если бы это был сон, то рано или поздно ему пришел бы конец. А *это*, я не уверен, что когда-нибудь кончился.

...В неприятной тьме, спотыкаясь, несколько раз перепутав стойки, собираем кое-как каркас, натягиваем на него пластиковую оболочку, втаскиваем печку, мешок угля.

По всей палатке висят на шнурах мокрые капающие шмотки, на раскалившейся печке шипит кастрюля с водой для макарон. Ничего, живы пока.

– У нас же есть заяц, – вспоминает Сергей. – Давайте сварим, раз уж убили.

– Да ну его! Не охота возиться, – мямлит кто-то. – Его еще искать надо.

– Тушенку откроем, быстро куснем – и спать, – решает главный.

Закрываю глаза и вижу всё то же – камни, бревна, дождь...

3

Камни, бревна, дождь... Глинистая жижа, хлещущие по спине и голове струи, рев двигателей – отчаянный рев попавшего в западню зверя. Дрожа от натуги, вездеход сдвигается на полметра, после чего мы выворачиваем ломами ушедшие в пливун бревна позади него (те, что не совсем утонули) и переносим вперед.

– Я вообще-то не нанимался на такую работу, – швыряя лопатой грязь, отплевываясь от дождя, приподнимает злое, забрызганное глиной лицо студент Ленька.

– Никто не нанимался, – рычит Никита, с упорством Сизифа подкатывая снизу неподъемную глыбу.

Результат многочасовых нечеловеческих усилий – наш броневик на пьедестале из двух гряд камней.

– Памятник самому себе, – устало острою я во время короткого перекура.

– Что дальше-то? – как на врагов скалится на водителей Антон.

– Что дальше... Дальше так и мостить до самого ручья. Авось выскочим. Другого не дано. Или второй вездеход вызывать.

– Со вторым ничего не получится, – отрезает Глеб.

Вот уж действительно круто!

– Кто-то из вас, ребята, прогневил бога тундры, не иначе, – бросает на нас недружелюбный взгляд Михалыч, забираясь в кабину.

– Зайца не надо было убивать, вот что, – серьезно высказывается Сергей, но его не понимают.

– Не надо было расслабляться, – по-своему судит Глеб. – Мне в первую очередь.

Камни, бревна...

Не верю. Не могу поверить – мы в русле ручья. Едем! Клацают под гусеницами голыши, плещется внизу вода. Если это сон, то пусть он длится дольше.

Всё же приходит пробуждение... в виде каменных кабаньих туш, нагло разлегшихся поперек русла. Вода стекает с них зачаточными водопадами. Железная наша махина, взмучивая воду, разворачивается на девяносто градусов и начинает осторожно вползать на откос. В глазах у каждого – мольба. Выше, выше... Уже достигли верхней относительно ровной террасы... Ну! Теперь чуть подальше от края!..

– О, нет! – возопил Никита.

Увязли... На этот раз по самые дверцы.

– Ну, теперь швах, ёлкина мать! – вылезает из кабины Михалыч. – Все ваш перегруз!..

Хочется зарыдать. Я оглядываюсь в тупом отчаянии. Горы прикрылись дождевой пеленой, словно показывая свою непричастность к происходящему. Будь я язычником, я решил бы, что это они, их духи не желают пускать нас дальше, к своему золоту.

...Когда последнее из бревен было безвозвратно загнано в глубь пливуна, Антон подошел к главному.

– Ну что, Глеб, пришло время принимать судьбоносное решение.

– Да, – обречённо покивал тот бородой. – Я тебя понял. Надо разгружаться и ставить лагерь. Жалко – не дотянули до нашей площади всего километров семь. Придется делать длинные подходы.

Все мы к этому времени походили на зомби, но при словах «ставить лагерь» «зомби» задвигались чуточку быстрее.

У кромки террасы, над устало шумящей речушкой нашлась относительно ровная площадка. Цепочкой, точно муравьи, еще неизвестно сколько часов таскаем на плечах наш

необъятный груз. Господи, когда же это кончится?.. А ведь надо еще установить палатки, в жилой соорудить нары, а в кухонной – стол и скамьи... Но вот и это позади, и в печке уже полыхает живительный огонь, а на газовой плите булькает в ведерной кастрюле безымянное варево. Вспомнили опять про зайца.

– Да я его выбросил, – признался Никита. – Кто-то наступил на него, так что кишки вылезли. Фигня, другого добудем. Тут их полно.

– Зря загубили, – отвернулся от всех Серега.

Словно решив, что с нас на сегодня хватит, ливень сменился мелкой сыпью. А часам к семи утра, когда мы собрались наконец «отужинать», облачность приподнялась и открылась грандиозная панорама: исполинские хребты с белыми языками снежников, зазубренные пики. Облака цеплялись за эти зубья, оставляя на них шевелящиеся лохматые клочья. Завороженно я наблюдал, как белые, медленно клубящиеся потоки облаков переливаются через хребты и стекают вниз по темным ущельям, точно некая промежуточная между жидкостью и газом субстанция. Долина, закрытая слева горой, просматривалась далеко вправо, и речка змеилась по ней, поблескивая на перекатах металлической чешуей, отороченная пепельно-серыми кудряшками мелкого ивняка. Тут я заметил что-то движущееся по этому ивняку. Галлюцинация? Нет, пара крохотных из-за расстояния оленей бойко тащила по берегу нарты с фигурками людей. Они двигались легко и быстро, словно потешаясь над нами, словно не было на их пути ни зарослей, ни камней, ни пlyingунов.

– Эй, глядите, какой там транспорт! – окликнул я коллег.

– Ненцы, – коротко бросил Глеб.

– Вот на чем надо было ехать, – хмыкнул Никита. – «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...» – затащил он дурашливо. Однако из-за усталости никто даже не улыбнулся.

Бедолаги «танкисты» в это время, спрятавшись от ветра между мшистыми холмами-кочками, грелись у дымного костерка рядом со своим ушедшим в землю МТЛБ. Идти отдыхать в нашу палатку они отказались.

Каким-то необъяснимым чудом, в то время когда мы спали, они ухитрились вырваться из западни. После них осталась развороченная, наполовину заплывшая водой и глинистой жижей ямина, прорытые гусеницами две траншеи, выжженное пятно между кочками да горка пустых консервных банок.

4

Началась работа, и мы окончательно убедились, насколько враждебна тут человеку природа.

Моешь лотком шлих – кисти рук стынут даже в двойных перчатках – шерстяных и резиновых. Сверху льет, снизу поддувает, несмотря на подложенный под зад кусок «пенки», лицо мокрое, ноги в резиновых сапогах коченеют, не помогают ни шерстяные носки, ни большущие байковые портянки. Лишь «костюм егеря», теплый и непромокаемый, не давал нам совсем пропасть.

– Чувствуешь себя в нем, как у егеря за пазухой, – шутил я.

– В нем можно хоть в лужу завалиться и проспять всю ночь, – соглашался Серега.

В этих пятнистых серо-зеленых костюмах, с напыленными на глаза капюшонами, с высокими армейскими рюкзаками за спиной, мы походили на высадившихся на Луну астронавтов. Тем более что и ландшафт часто бывал соответствующим: темные трещиноватые скалы, ущелья, безжизненные каменные осыпи.

Впрочем, это только на первый взгляд. Даже на высоких склонах, среди снежников, пробивалась между камнями травка, ниже появлялся мох, крохотные, почти лежащие кустики брусники. Еще ниже, на верховых болотах, росли сабельник, морошка и голубика (пока еще без ягод), а где посуше – карликовая березка. Из кустов при нашем приближении частенько выскакивали зайцы, неслись рваными зигзагами и быстро исчезали за холмами, семенили прочь куропатки с выводками цыплят, выпархивали из-под ног какие-то длинноносые птицы, похожие на вальдшнепов. С неба подавали заунывные звуки канюки.

И все же мы понимали, что без привезенных с собою печек, палаток, угля и консервированной жратвы нам здесь не выжить.

Выходя по вечерам на связь с другими отрядами, мы нередко слышали, что у кого-то сорвало ветром палатку, у кого-то плохо горят печки и люди мерзнут, а где-то идет снег.

Из глубин эфира долетали ругательства начальницы ближайшего к нам отряда – Галины, которой до сих пор не завезли обещанный уголь.

– Люди заболеют к черту! – кричала она, адресуясь к главному. – Жду еще два дня – и буду вызывать санборт, так и знайте!

В те редкие моменты, когда небо слегка прояснялось, из мути выступали темные громады гор. Весь их вид как бы говорил: «А, так вы еще здесь?!» И тотчас же опять напозлали облака, и все исчезало в клубящемся мареве.

Чаще же в маршрутах было не до окружающего ландшафта. Окутанные туманом, обрызгиваемые дождем, мы были упрямо сосредоточены на промывке, трясая и качая, словно люльку, лоток с песком и галькой. Обычно Серега мыл, а я записывал в быстро намокающей пикетажке номер пробы и ее примерный состав и наносил точку на карту. Нередко в интересах дела мы расходились и мыли в два лотка. И хотя шлихи получались довольно бедненькие и однообразные, без малейшего следа ценного металла, мы не теряли надежды найти кондовое золото.

– Пусть не месторождение, хотя бы небольшую россыпь, – тешил себя Серега.

Как-то раз он, рассматривая в лупу мокрый остаток в лотке, пробормотал:

– Похоже, оно.

– Золотишко? – скептически спросил я.

Почти не видимая глазом пылинка под лупой действительно поблескивала желто и металлически.

– Да, на девяносто процентов – оно, – согласился я.

Оба сразу повеселели, вечером даже выпили за первый успех.

– Молодцы, – похвалил Глеб. – Наконец хоть что-то. А мы с Антоном нащупали несколько небольших радиоактивных аномалий. Имейте в виду: если найдете приличное золото или уран, всему отряду обещаю хорошие премии, – объявил он.

Однако ничего «приличного» больше не обнаруживалось. Глеб уповал на второй участок на озере Очеты.

Я продолжал мыть пробы и по ночам – в сновидениях. И ночью я получал наконец то, чего так ждал днем: когда я смывал остатки пустой породы, вода в лотке вдруг начала переливаться солнечными бликами. Я осторожно сливал с уголка эту последнюю порцию воды и... душа моя начинала тихонечко смеяться: все дно лотка покрывал ярко-желтый металлический песок.

На самом же деле я был бы рад даже нескольким таким песчинкам. Это означало бы, что выше по течению есть коренное золото, а где-то недалеко может таиться и россыпь. Оставалось бы только сосредоточить на этом месте все работы и, как любил повторять Глеб, «вырвать у тундры месторождение».

Подгоняемые этой мыслью, мы забирались в самые отдаленные углы нашей площади.

Однажды, перевалив через хребет в бассейн соседней речки, я разглядел на противоположном пологом борту три крохотных белых островерхих конуса.

– Оленеводы, – догадался Серега.

Вглядевшись пристальнее, я различил и оленей, рассеянных по зеленому бархатистому дну долины.

– Да, это аборигены, – подтвердил вечером в лагере Антон. – Ненцы. Но мы для простоты зовем их чукчами. Мы их уже как-то видели, помнишь?

Да, но я никак не думал, что они здесь живут! Я и предложить не мог, что тут, в этой каменной пустыне, кто-то может постоянно обитать помимо нас с нашими печками, не продуваемыми палатками и мешками угля.

5

Мы опять десантники. Опять нас качает и трясет. Но, как ни странно, пока не ломаемся и не буксуем.

Вездеходчики – Саша по кличке Узбек (и на самом деле узбек) и здоровяк Павел – производят впечатление более опытных водителей, чем предыдущие. Невидимый нам Саша ведет, Павел же сидит на кабине перед нами, опустив ноги в люк, исполняя роль штурмана. Время от времени он склоняется над соседним люком и дает водителю какие-то наставления.

Небо высокое, в легкой золотистой дымке, на редкость благодушное. Однако по мере нашего движения, как будто сообразив, что мы уезжаем не окончательно, погода сменила милость на гнев – тучи сгустились, дождь пустился стегать нас по лицам. Когда остановились у мокрых палаток Галининого лагеря, в нас летели уже слизкие снежистые плевки.

– У нас тут постоянно такая погода. Все планы нам срывает, – хмуро сообщила Галина, глядя из-под капюшона на главного геолога так, точно это он организовал такую погоду. – Если бы уголь не завезли, не знаю, чем бы все кончилось. Наверное, больницей.

Я огляделся. Пейзаж был под стать погоде – голые каменные осыпи по сторонам, раскисший болотный мох на площадке, где стояли палатки, обвисшие и какие-то скорбные. Нас умилил туалет – приземистое сооружение из четырех колов, обтянутых по бокам белыми пластиковыми мешками из-под сахара, а внутри – квадратная яма, до краев заполненная болотной водой (надо полагать, не только).

– Прикол! – вытаращив глаза, хохотал Ленька. – Как они сюда ходят? Наверное, это у них джакузи такое.

– Скорее, биде, – уточнил Серега.

От Галины мы выехали в прежней численности, но вместо главного геолога с нами на верху вездехода прилепилась сухонькая пожилая женщина-геолог Татьяна Ивановна.

– Участок, на который вы едете, самый перспективный. Вся надежда на него. И на вас. Не подкачайте! – напутствовал нас Глеб.

Двигались мы между двумя грядами гор по высокой речной террасе. Разглядывая сквозь дождевую сетку окрестности, я на плоской вершине холма на том берегу речки во второй раз за этот сезон заметил остроконечные конусы нескольких чумов и сбившихся в кучу светло-серых оленей.

– Может, хоть на Очеты нам повезет? – вернул меня к нашим проблемам Серега.

Утро – солнечное, тихое, лазурное! Бывают здесь, оказывается, и такие деньки.

Глубоко вздохнув, нырнул в хрустальную прозрачность озера, увидел каменное, в пляшущих солнечных бликах дно, выскочил, как из кипятка, растерся. Кайф! Озеро сияет! Небо сияет! Воздух пахнет талой водой и как будто свежей брусникой.

Озеро – черно-синее, девственно чистое, вытянутое на четыре километра вперед (если судить по карте), обрамленное высокими скалистыми хребтами, отражающимися в воде. Лишь с одной стороны к нему открыт проход – по долине вытекающей из него речки Очетывис, по берегу которой мы вчера и проехали.

А какая чистенькая галька рассыпана вдоль кромки воды! Так и тянет сунуть какую-нибудь за щеку... Тут я увидел Серегу, быстро и сосредоточенно вращающего катушку круто изогнувшегося спиннинга. Через несколько секунд на мокрой гальке запрыгала увесистая, серебристая с радужным отливом рыба тушка. Хариус! Вот это да! Забыв обо всем на свете, я рванул к палатке, неверными от возбуждения руками собрал свою снасть и помчался к озеру, где уже выстроился шеренгой весь наш отряд, кроме разве что Татьяны Ивановны.

Хариус хватал сумасшедше! Забыв о времени, о завтраке, я снимал с тройника блесны очередную добычу, ударял ее о камень, чтобы не усакала обратно, вытирал о штаны перепачканные рыбьей кровью и слизью ладони и скорее, размахнувшись, забрасывал блесну. Остальные так же – только успевали бросать. Когда ветер стихал и поверхность воды, волнисто истекающей из озера, становилась более гладкой, можно было увидеть неподвижно стоящих у дна рыбьих. Они лишь слегка поводили хвостами, удерживаясь против течения на одном месте. Отражение яркого неба не давало проследить, как далеко тянется косяк, но зрелище и без того потрясало.

Вечером брезентовую кухонную палатку наполнили ароматы. На столе парила большая кастрюля ухи, в мисках возвышались горы жареной и малосольной рыбы.

– Ну и наготовили, как на Маланьину свадьбу! – оглядев стол, всплеснула руками Татьяна Ивановна.

У Татьяны Ивановны был певучий уральский говорок, но еще большую колоритность придавали ее речи всякие присказки и поговорки. «Надо чаю попить после рыбы: рыба посуху не ходит», – говаривала она.

«Рыбочка», – ласково называла она хариусов. Часто она заказывала с утра:

– Поймайте мне шесть рыбочек.

И вот уже шесть рыбьих тушек, размером с самую крупную селедку, жарятся нам на завтрак, трепеща в кипящем жиру.

Клев не ослабевал ни на второй день, ни на третий, а что еще удивительнее – держалась погода. Мы забросили работу и как в горячке все ловили и ловили. Это была какая-то разновидность безумия. Татьяна Ивановна пыталась нас образумить – пустое, мы ее как будто не слышали.

Среди хариусов попадался иной раз упругий темно-синий голец с розовым мясом и ярко-оранжевой икрой, которую студент Ленька тотчас же съедал, подсолвив, а то и без соли.

Была освобождена от круп объемистая пластиковая бочка, в которой Антон с Никитой стали засаливать излишки улова. Я взялся вялить. Под пологом от комаров (в данном случае – от мух) лиловато-серебристые рыбы тушки постепенно становились коричнево-золотистыми, лоснящимися от жира.

А вот Серега через какое-то время рыбачить перестал.

– Неинтересно, – объяснил он. – Никакого умения, хитрости не надо: знай вытаскивай этих дурёх. Да и рыбу жалко: куда ее столько? Обловим все озеро.

– Да ее тут немеряно! – возражали другие. – За год не обловишь.

– Все равно. На еду – другое дело. Ну, засолили сколько-то, и хватит.

– Я тоже так считаю, – не сразу, но все же поддержал я напарника. – Сохранить бы то, что навялено и засолено.

Тогда Антон, Никита и Ленька стали ловить и сразу отпускать.

– Ничего себе – гуманизм! – отказывался примириться с этим Серега. – Разодрать тройником рыбу пасть и отпустить, чтобы сдохла попозже.

– Ничего с ней не будет, – с улыбкой утверждал Антон. – Тебе если щеку проткнуть, ты что, умрешь от этого?

– Умереть – не умру, но тому, кто мне ее проткнул, уж намну холку!

После этого Антон с Никитой придумали запускать пойманных хариусов во впадающий в озеро ручеек, отгородив его устье камешками. Мол, так у нас будет постоянный запас живой рыбы: бери когда надо. Но однажды в кухонную палатку, где все собрались на ужин, вошел разгневанный Сергей.

– Парни, кончайте такую рыбалку. Я только что нашел на вашей запруде сдохшего хариуса: пытался перебраться через камни.

– Это работает естественный отбор, – попробовал отшутиться Антон. – Сильнейшие прорываются через запруды, слабейшие – нет.

– Если это и отбор, то скорее неестественный. Всё, с сегодняшнего дня я становлюсь рыбнадзором, – объявил Серега твердо.

– А кто ты такой – нам указывать?! – задиристо выкрикнул Ленка.

– Кто он такой? – вступился я за друга. – А кто я такой – хочешь узнать? Ты можешь это узнать моментально. Но боюсь, Антону придется санборт заказывать.

– Хорошо, – перестал шутить и Антон. – Больше такого не будет. Ловим только на еду – ровно столько, сколько Татьяна Ивановна закажет.

– У нас в экспедиции это называли – тундровая болезнь, – промолвила вдруг женщина.

– Вы про что? – не поняли остальные. – Какая еще болезнь?

– Тундровая болезнь, – повторила геологиня. – Это когда в замкнутом коллективе люди друг другу надоедают, и начинаются ссоры, раздражительность. Или тоска.

Термин понравился. Теперь по любому поводу все ставили друг другу диагноз – тундровая болезнь.

– Что-то в сон тянет, – скажет кто-нибудь после ужина.

– Это у тебя тундровая болезнь!

– Никак не напьюсь после рыбки, – пожалуется Татьяна Ивановна и тотчас получит объяснение:

– Это первый признак тундровой болезни.

6

Рыболовная лихорадка угасла. Как после запоя, с ощущением вины, разошлись парами по своим маршрутам: мы с Серегой – по ручьям и речушкам, Антон с Никитой – по горам, Татьяна Ивановна с Леней – на скалистые обрывы. И странное дело: клев с этого дня как обрезало, редко кому удавалось вытащить после работы одну-две рыбы. Да и погода вернулась в свое обычное враждебное состояние. Чепуха, конечно, но до этого она как будто потакала нашим праздным увлечениям, соблазняла нас, а чем энергичнее мы работали, чем одержимее искали золото, тем сильнее лил дождь.

– Ну как успехи? – непременно спрашивал меня в конце дня начальник отряда.

– Как обычно, – отвечал я уныло, – то есть пусто.

– И у нас ничего, – сетовал он. – Радиоактивность не выше сорока.

Всякий раз, покачивая в воде лоток, я ждал: вот сейчас, вот в этой пробе блеснет. Но увы...

– Будет обидно, если ничего не найдем, – сокрушался Серега, – даже крохотной россыпушки.

– Отрицательный результат – тоже результат, – на всякий случай настраивал я его. – Мы добросовестно выполним свою работу, но если золота тут нет, то это не наша вина.

Но, по правде говоря, самого меня отрицательный результат не устраивал. Ведь известно: даже если ты сделал все от тебя зависящее, но не добился успеха, ты все равно проигравший. А на нас с Серегой к тому же рассчитывают, от нас ждут конкретных находок. От успешности наших поисков, как уверял Глеб, зависит финансирование проекта, да и вообще – продолжение работ.

Я пока не говорил никому, но у меня был намечен один перспективный участок на крае нашей площади. Геологическая ситуация там была, с моей точки зрения, наиболее благоприятная: там появлялись граниты и в прошлом находили арсенопирит – частый спутник золота. Участок этот был самым далеким, но с каждым маршрутом мы подбирались к нему все ближе. Я оставлял его на потом, как оставляют лакомый кусок. Идти до него – примерно треть дня, но если мыть в два лотка, маршрута за два-три мы с Серегой управимся. И не просто управимся, а выявим россыпь. Должны выявить!

... Не переставая размышлять об этом, склонившись над водой, я промывал очередную пробу песка и щебня. Напарника я послал отобрать пробы выше по ручью.

В какой-то момент сквозь плеск воды ухо уловило шорох камней. Наверное, Серега забыл что-то... Обернувшись, я увидел в отдалении на пригорке двух человек в бесформенных брезентовых робах, с темно-коричневыми лицами и щелочками глаз. У обоих в руке было по мешку. Не двигаясь, они неотрывно смотрели на меня. Не зная как реагировать, чувствуя себя инопланетянином среди неведомых мне существ, я помахал им на всякий случай рукой. Оба тотчас же дружно замахали в ответ. Но с места не стронулись. Пожав плечами, я продолжил свое дело. Но скоро услышал близкий хруст гальки. Оба ненца стояли у меня за спиной, с откровенным любопытством взирая на мое занятие.

– Сто делаес? – детским голоском пропел один из них минут через пять.

– Работаю, – коротко пояснил я. – Геолог.

– А-а, геолог, – понимающе закивали они. – Солото?

– Верно, золото ищем. А как рыба, ловится? – в свою очередь задал я вопрос.

– Ловися, – приподняли они мешки, в каждом из которых угадывалось килограммов по десять.

– Какая рыба?

– Голес.

Больше говорить было вроде как не о чем, и рыбаки, не прощаясь, побрели на ту сторону широкого ручья.

Видимо, им не впервой видеть человека, орудующего лотком, подумалось мне. Иначе как бы они догадались о золоте? Это обнадеживает.

А на следующий день под вечер в подрагивающую от ветра палатку-столовую протиснулся мужичонка-ненец со сморщенным лицом, в заношенной войлочной дерюге с капюшон-нахлобучкой и пришитыми к рукавам (в половину окружности) варежками. Он застыл у входа рядом с печкой, нерешительно улыбаясь.

Выглянув наружу (нет ли с ним еще кого), я увидел возле наших палаток похожие на опрокинутую этажерку деревянные нарты и гуляющего поодаль оленя.

– Что приехал? – спросил у ненца Антон.

– Гости.

– Ну раз в гости, проходи. Чай будешь?

– Будешь.

Раздвинулись, уступая гостю место на лавке.

Мы все, уставшие после маршрута, голодные, продолжили трапезу, урывками обсуждая результаты дня. Гость, согнувшись над столом, спрятав нос в кружке, тихо прихлебывал чай.

– Странный он какой-то, – вполголоса проговорила Татьяна Ивановна.

– Как звать? Звать тебя как? – громко обратился к мужичонке Серега.

– Вася, – блеснул тот из-за края кружки черными глазками.

– Рыбу ловите? – спросил я, больше для приличия.

– Ловите.

– А что еще едите, кроме рыбы? Кушаете что? – я изобразил процесс еды.

– Мясо кушаем. Олень режем.

– Сколько оленей в стаде? – зачем-то спросил Серега.

Молчание.

– Он тебя не понимает, – закуривая, сказал Антон. – Или делает вид, что не понимает.

– Стадо: сколько оленей? – повторил Сергей. – Сто? Тысяча? Миллион?

– Не знаю.

– Ну ка-а-ак это?! – не поверил Серега. – А вдруг я у вас украду оленя – вы и не узнаете.

– Узнаем, – спокойно возразил пастух.

– Как?!

– Знаем.

– Дурачком прикидывается, – помахал ладонью возле уха Леньчик.

– А! – догадался я. – Наверное, они просто *знают* своих оленей. В лицо, так сказать. Это нам, испорченным цивилизацией, нужна математика, а они воспринимают вещи непосредственно.

– Вот вы оленей пасете... – придвинулся к «чукче» Никита. – У вас тут как? Территория поделена?

Гость молчал, глядя в кружку.

– Один тут пасет, другой там, так у вас? – переиначил я вопрос.

– Так, – кивнул Вася.

– А если мы, например, в следующем году разведем оленей и станем здесь же пасти, что вы сделаете? – каверзно улыбнулся Никита.

– Прогоним.

– Как? Стрелять будете?

– Стрелять не будем.

- А что сделаете?
- Кричать будем.
- Ну, этим вы никого не испугаете! – расхохотался Никита.
- Мне интересно, – снова включился Сергей, – травы они какие-нибудь используют? – Он повернулся к гостю: – Когда чая нет, завариваете какие-нибудь травки?
- Зачем? – удивился ненец. – Чай есть.
- Ну а когда нету чая, что пьете? Всё, нету чая, кончился.
- Есть чай, – последовал невозмутимый ответ, заставивший нас рассмеяться.
- Чай никогда не кончается, – комически развел руки Антон.
- А на лечение какие-то растения используете? – не отступал Серега.
- Нет, не знаем.
- Серега разочарованно покивал головой:
- В общем, ни черта они не знают. Живут на земле и не пользуются ее богатствами. Развратила их цивилизация: чай, лекарства – все извне. А традиции у вас какие-нибудь есть? – строго уставился он на ненеца. Тот непонимающе моргал.
- Ну, музыка, например... Песни поете? – упростил Сергей вопрос.
- Музыкальные инструменты есть? – подключился Ленька.
- Конечно. Рояль в чуме стоит, – хмыкнул Антон.
- Вот умер кто-нибудь, – продолжал Серега. – Какие-нибудь обряды устраиваете? Отпеваете? Песни грустные поете?
- Нет.
- А что делаете? Сжигаете? Или закапываете?
- Землю закапываем.
- Ясно. Это как у нас. Ладно. Что бы еще спросить? А религия у вас есть?
- Гость безмолвствовал.
- Ну бог у вас есть? Должен быть. Бог тундры есть какой-нибудь?
- Есть, – сообразил тот наконец.
- А как звать его?
- Нум.
- Серега облегченно вздохнул:
- Ну вот, хоть бог есть, не так безнадежно всё.
- Гость уже встал, чтобы уйти, но увидел в углу палатки ружье, принялся его внимательно рассматривать, поднеся к самому лицу.
- А у вас оружие имеется? Охотитесь? – оживился Ленька. – Зайцев стреляете? Гусей? Гусей на озере прорва!
- Нет, не стреляем.
- Почему?
- Сейчас у них это... маленькие. Тундра сердится, если убил.
- Ха-ха! Тундра сердится! – развеселился студент.
- Наверное, не тундра сердится, а бог Нум? – поправил гостя Серега.
- Да, Нум, – кивнул ненец.
- Видишь, они всё правильно делают, – одобрил Сергей. – Не то что мы: ловили рыбы больше, чем могли съесть.

7

После первого гостя аборигены стали навещать нас регулярно.

И всякий раз совершался с небольшими вариациями один и тот же ритуал. Сперва гость долго пьет чай, односложно отвечает на наши немудреные вопросы, а под конец, часа через полтора, как бы между прочим предлагает:

- Давай меняса.
- А что привез? – поддерживая эту игру, интересуемся мы.
- Мясa.
- Что за мясо?
- Ляска, песень.
- Покажи.

Приносит две окровавленные задние оленьи ноги и большущую печенку. Или (как однажды) целого олененка, уже выпотрошенного, без шкуры, красного, в белых ленточках жил:

- Телёнка привез.

После этого начинается торг.

- Чего хочешь? – спрашиваем мы.

В ответ либо молчание (тогда самим надо предлагать, чего мы можем дать) либо осторожное:

- Борсь есть?
- Есть борщ. Банки четыре дадим. Что еще надо? Макароны надо? У нас их много. Сухари? Сухарей вообще завались – двенадцать мешков, а съели только два.
- Цяй есть?
- Чай у самих кончается. Ну, одну пачку дадим, так и быть.
- Конфеты детям есть?
- Нет, конфет у нас и не было. Пряники были, но уже кончились.
- Сигареты есть?
- Сигареты тоже кончаются.
- Одну коробочку...
- Нет, самим не хватит до конца сезона. Не известно еще, когда нас вывезут...
- Одну палочку дай, – смотрит умоляюще.

Я протягиваю ему одну сигарету под испепеляющими взорами наших курцов.

Торг завершен. Гость складывает в тот же окровавленный мешок, в каком привез мясо, наменьянное – соль, супы в пакетиках, несколько луковиц, макароны, сухари, сахар, банки консервированного борща. Молча отъезжает на своих нартах, которые один или два щуплых блеклых оленя довольно ретиво тащат прямо по гальке, мху и мелким кустикам. Никогда при этом не поймешь, доволен ли остался посетитель сделкой или нет. Сердобольный Серега напоследок сунет в заскорузлую ладонь чукчи горсть кураги или изюма из личных запасов.

Мясо у нас теперь не переводилось.

– Кто хочет соленой рыбочки? – бывало, поставит на стол Татьяна Ивановна банку с малосольным хариусом.

Все воротят носы.

– Ну заелись! – восклицает женщина укоризненно. – Избаловались мы тут совсем. Потом, в городе, вспоминать будем и говорить: вот бы сейчас хоть кусочек того хариуса!

– А сейчас мечтаем: вот бы тушеночки! – шутит Никита.

На самом же деле про тушенку мы вовсе забыли.

Между тем, несмотря на рыбное и мясное изобилие, Ленька с Никитой таскались по вечерам с ружьем и однажды настреляли на озере с десяток гусей. Причем достать смогли только трех. Принесли и с гордостью бросили на кухонный стол – больших птиц с неуклюже вывернутыми крыльями.

– Куда нам их?! – возмутился Серега. – И так мясо не успеваем съесть.

– То оленина, а это дичь!

Гуси были красивые, необычные – с белым брюхом и черными крыльями и спиной.

– Вот и посмотрим, рассердится ли тундра, – хихикнул Ленька. – Или еёный бог.

8

Ночью я проснулся от тревожного ощущения, будто кто-то остервенело скребет по железу когтями. Не сразу сообразил, что это скрежещет о печную трубу жестяная разделка. Включаю фонарик и вижу: наша большая пластиковая палатка, застегнутая на входе на мощные липучки и ремни с карабинами, округлилась, как бочка, и трясется. Липучки разодрались и сквозь черные дыры, с трудом стягиваемые ремнями, врывается яростный ветер. Грозно грохочет за стенкой озеро, а со стороны кухонной палатки, словно выстрелы, доносятся хлопки – не иначе оторвался покрывающий палатку тент. Мне зримо представляется наша кухня, вся распахнутая, готовая сорваться и улететь, и мешки с крупами и мукой, орошаемые дождем. В конце концов не выдерживаю, выскакиваю полуголый наружу. Тут же меня подхватывает воздушный поток и несет прямехонько к палатке-столовой. Оказывается, не совсем прямехонько. Со свистом меня пронесит мимо и только благодаря тому, что я успеваю ухватиться за растяжку, меня не вышвыривает вон, в тундру. Чуть ли не на четвереньках добираюсь до входа в кухню. Вход действительно распахнут, точнее *впахнут* внутрь, внутри хозяйничают ветер и дождь.

Вход стянуть мне не удастся. Кое-как прикрыв запасным тентом и привалив камнями продукты и с трудом преодолев пятиметровое расстояние, я ныряю скорее в теплый еще спальник. Но о сне нечего и думать. Рев ветра, удары волн о берег, скрежет разделки, дробная сыпь дождя о пластик... но главное – сама палатка, которая все сильнее расшатывается, раздувается, точно воздушный шар, рвущийся в стратосферу. Ее металлический скелет, противно скрипя суставами, приподнимается над землей, колышки, которыми она была припиленна, давно выскочили, держится она на одних растяжках. И весь этот ад – грохот, гул, вой, свист – дополняется монотонным храпом моих коллег.

Однако пришлось подскочить и им, когда прозвучал звонкий выстрел. Это лопнул один из ремешков, пристегивающих низ палатки к основанию каркаса. Несколько трубок выскакивают из пазов, и наше жилище начинает рушиться. Видя, что вот-вот лишатся кровя, мои соратники вцепляются в каркас, изо всех сил удерживая его и пытаясь вставить трубки на место.

– Сейчас развалится! Что делать?! – вопит в отчаянии Никита, упираясь в боковые стойки.

– Продержитесь еще минуту! – закликает Антон и выскакивает наружу.

Вслед за ним бросаюсь и я.

И сразу оказываюсь в преисподней. Свист и грохот. Нет ни неба, ни гор, лишь мчащиеся во все направления клочья тумана, обрывки дождевых струй, стегаящие по лицу, да расплывчатый силуэт нашей палатки, временами совсем исчезающий.

«Нум?» – холодком пронесется в голове, но я тотчас же прогоняю эту дикую мысль. Нам еще только в мистику удариться!

Качаясь под ветром, хватаем с Антоном мокрые грязные мешки с углем, которые раньше таскали по двое, слепо бежим с ними туда, где должна находиться палатка и, наткнувшись не нее, приваливаем мешками вырвавшиеся края. Вскоре замечаю, что пока я бегу за очередным мешком, напарник успевает раза три пронестись мимо меня с новой поклажей. Не сразу до меня доходит, что к нам присоединились остальные (каркас уже не надо удерживать). По периметру палатки возникает некое подобие баррикады. Обрастает мешками и кухня. Палатка Татьяны Ивановны в низинке, ей досталось меньше – всего лишь сорвало трубу печки да выдуло внутрь всю золу.

Ураган продолжает бушевать, а мы, обалделые, сидим сгрудившись в столовой и подавленно молчим, слушая гул и рев за тонкой ненадежной стенкой, глядя, как через стянутый проволокой вход чудовищным белым пузырем вдавливаются внутрь специально подвязанный тент. Все сознают: если сорвет палатки, помощи ждать нам не от кого.

– Никита, тащи фуфыр, – распорядился начальник.

Выпили водки под малосольного хариуса. Напряжение и тревога немного отступили. Авось не пропадем!

– Это не просто так, этот катаклизм, – роковым тоном изрекает Серега.

– Это нам за жадность, – предугадываю его мысль.

– Именно, – подтверждает Сергей. – Не надо было столько рыбы ловить. И гусей убивать. Вот нам наказание!

– Бог Нум разбушевался, – хмыкаю я.

– Зря смеешься, – не одобряет Сергей. – Леняка вчера тоже смеялся: мол, посмотрим, накажет ли нас тундра.

– Простое совпадение, – огрызается Ленчик.

– Все это предрассудки, – отмахивается Антон. – Ураган не только нас накрыл. А здешним чукчам за что наказание? За *нашу* жадность?

В палатке холодно, несмотря на пылающий в печке огонь: все тепло выдувается сквозняком.

Бутылка вскоре опустела, а гул за стенкой как будто снова усилился.

Белый пузырь на входе затрясся вдруг сильнее, задрался, и с порывом мокрого ветра в палатку втиснулись два ненца в зеленых прорезиненных комбинезонах. Оба улыбались как ни в чем не бывало, как будто не было ни бури, ни вероятности остаться без крова и погибнуть от холода. Не снимая мокрых одежд, они уселись за стол и с удовольствием принялись пить налитый им чай.

– Вы откуда? – спросил я.

– Рыбу ловим.

– В такую погоду?! Да вы что?!

– Сети маленько проверили.

– Ну и ну... И оленей кто-то пасет? – поразился Серега.

– Другие пасут. Рыбачим, пасем – одни, другие.

– По очереди, то есть. А что лучше, – с хитрой миной спросил Никита, – рыбу ловить или оленей пасти?

– Рыбачим – хорошо, пасем – хорошо. Всякий хорошо. Тундра – хорошо!

Мы переглянулись: не смеются ли?

– Вон буря какая – чего хорошего? – скептически заметил Антон. – Ветер, дождь, а то и снег. Это хорошо?

– Дождь – хорошо, – бодро откликнулись аборигены. – Трава будет – оленям кушать.

– А чум не сдувает? – коснулся я злободневной темы.

– Нет, не сдувает.

– А! – вспомнил второй. – Один раз улетел зимой.

– И что тогда?! – мы почти привстали со своих мест.

– Тогда плохо было.

– Ага! Значит, бывает все же и плохо! – оскалился улыбкой Антон.

Не понимая, что мы нашли в этом веселого, гости принялись громко прихлебывать чай.

– Скажите вот что, – снова обратился я к ним. – Золото у вас тут кто-нибудь находил?

Оба отставили кружки и переглянулись между собой.

– Ну золото... Знаете, что это такое?

– Знаем.

- Находили когда-нибудь? – допытывался я.
- Это нельзя, – пробормотал один невнятно.
- Почему нельзя? Тундра накажет? – вспомнил и заухмылялся Ленька.
- Одни наши люди находили... давно... другие люди их убивали.
- Ну, где золото, там всегда конфликты, – не удивился Антон.
- «Значит, золото тут все-таки есть, – думал я о своем. – Пропустить мы его при нашей сети опробования не можем. Вывод один – не там ищем».
- А где находили? – точно угадав мои мысли, поинтересовался Никита.
- Не знаем, – потупились гости.

- Врут, что не знают, – заявил Ленчик после ухода чукчей. – Сами хотят хапнуть!
- Куда они его денут? – усомнился Антон. – Нам же и принесут – «меняса».
- Странно... Для нас тут экстремальные условия, непрерывная борьба, – как будто про себя, задумчиво промолвил Серега. – А они постоянно так живут и даже кайфуют. Мы с ними словно из разных миров.
- А что им не кайфовать? – с обычной иронией заметил Антон. – В армию их теперь не забирают, в школе учиться необязательно. Вернулись в первобытное состояние.
- Чего ж в этом кайфowego? – не согласился Ленька. – Ни тебе телевизора, ни компьютера, ни потусоваться... Мобильников даже нет. Я б от такой жизни застрелился нафиг.
- Если мы наковыряем тут руду, жизнь у них изменится, – высказался Никита.
- Точно! – подхватил Ленька. – Будут не оленей пасти, а на рудниках херачить! – и он захохотал, довольный своей шуткой.
- Если мы найдем здесь уран или золото, то их отсюда просто выдворят, – убежденно проговорил Антон. – Тем более что они будут только кричать, – вспомнил он первый разговор.
- Так постепенно в резервации окажутся, – заключил я.
- Печально это... – склонил голову Серега. – А еще печальнее, что и мы к этому приложим руку.
- Зато премию за золото получим! – потряс кулаком Ленька. – Глеб обещал!
- Я же представил себе, как сюда явится уже не один вездеход и не шесть человек, а целые колонны техники, толпы людей. Пробьют дорогу, поставят вагончики под жилье, исковыряют все карьерами, шахтами и штольнями, перебьют всех зайцев и куропаток, загадят речки... Сейчас мне показалась напыщенной и наивной мысль, которая была у меня в начале сезона – будто мы проводники цивилизованной жизни. А нужны ли здесь кому эти наши дороги, электричество и Интернет?

9

Бесконечно долго поднимаемся по ущелью, протянувшемуся от подножья к вершинам гор. Два перевала отгораживают от нас тот самый дальний многообещающий участок.

По дну ущелья с рокотом бежит вниз со ступени на ступень голубой пенистый поток. Порой его русло от стенки до стенки перекрывает снежник, плотный, с волнистой поверхностью. Ручей булькает где-то внизу, в холодной ледяной пещере. В начале сезона мы опасались ходить по таким снежникам: они лежат обычно под большим уклоном, вполне реально поскользнуться и поехать вниз на острые камни или свалиться в ручей. Но потом приспособились: шагали, втыкая для подстраховки рядом с ногой геологический молоток на длинной рукоятке или лопату. А в конце концов и вовсе потеряли чувство опасности и не раз в конце маршрута съезжали вниз на подошвах сапог, ставя одну ступню ребром немного поперек и по необходимости притормаживая ею.

– Вы бы в лотки свои промывочные садились – и вперед, как на санках! – шутил по этому поводу Никита.

– И лопатами сзади рулить! – потешался я.

Знали бы мы, чем это кончится...

За вторым перевалом открылась внизу широкая, абсолютно голая долина – бывшее ложе древнего ледника. Мы с Серегой, как и договаривались, разделили между собой бегущие вниз ручьи и разошлись.

До вечера мы промыли по восемь проб. Пусто. Странно: весь мой геологический и шлиховой опыт говорил, что золото тут должно быть. Обидно. Если так ничего и не выявим, то и вправду получится, что все наши труды, все мучения с вездеходом, с непогодой – все коту под хвост. Нет, с этим невозможно смириться! Завтра же придем сюда снова и «прошупаем» каждый ручеек на том дальнем борту долины, хоть там уже и не наша территория.

С первого перевала, чтобы выиграть время, решили спускаться не по ручью, а воспользоваться «эскалатором» – длинным снежником, простершимся от вершины хребта почти до самого дна ущелья.

Сереге ехал впереди, я – метрах в пятнадцати от него. Неожиданно он покачнулся (наверное, провалилась нога), шлепнулся на спину и заскользил вниз уже с нешуточной скоростью. Он пытался тормозить, так что из-под каблуков взметались фейерверки снежных брызг, но безуспешно.

Язык снежника заканчивался уступом. Мой напарник со всего разгону слетел с него, прокатился по курумнику и остался лежать на дне распадка у жиденького ручейка. Пока я спускался к нему, подгоняемый нехорошими предчувствиями, он пошевелился, высвободил руки из лямок рюкзака, попробовал даже встать, но тотчас же опустился на камни.

– Что-то с ногой, – хмуро ответил он на мои расспросы.

Я стащил с него сапог, портянку, задрал штанину. На лодыжке красовался лиловый кровоподтек, она угрожающе вздулась.

– Что за хрень! Что за проклятый сезон! – выкрикнул я в низкие равнодушные небеса.

– Тут уж некого винить, сами дураки, точнее, я дурак, – глянул на меня исподлобья приятель. – Перелома вроде бы нет. Вывих или растяжение, – констатировал он. – Надо как-то добираться до лагеря.

Легко сказать – до лагеря... До лагеря было километров шесть, причем через еще один перевал, через распадки и отроги. Либо в обход хребта, по безымянному ручью до Очеты-виса, а затем вверх по нему до самого озера, а это километров пятнадцать по скользким галеч-

ным косам и прибрежным кустарникам. Нет, это невыносимо. Проклятье, что же делать?! Тащить напарника вверх, к вершинам?..

Это только в кино герой картины волочет на себе раненного товарища многие километры. Я уже через двадцать шагов убедился, что героя кино из меня не получится. На мне висели два рюкзака – сзади и спереди. Серега держался за меня, обвив рукой мою шею, и пытался прыгать на одной ноге, но вверх по склону у него это, честно говоря, получалось неважно. Оба мы очень скоро выдохлись. Вдобавок упористый злобный ветер как будто задался целью противодействовать нам.

– На ту ногу опираться совсем не можешь? – без надежды спросил я.

– Нет.

Я посмотрел вперед и вверх на беспорядочные нагромождения угловатых каменных глыб, местами покрытых лишайником, мылким от сырости:

– Дня за три доберемся... В лучшем случае.

– Иди, Ген, один, – проговорил напарник. – Приведешь наших – втроем, вчетвером легче будет.

– Двое – за ноги, двое – за руки, – пошутил я. – Да мы на этих колдобинах тебя десять раз уроним! Или оторвем что-нибудь.

Но нечего другого в голову не приходило – я оставил приятеля и всю нашу кладь и двинулся на перевал один, слабо представляя себе, как мы сможем тащить пострадавшего даже вчетвером. Тут я остановился в испуге: а как мы вообще найдем его? Как мы разыщем среди этих развалов лежащего человека? Тем более что через час-другой начнет смеркаться. Разжечь возле него костер? Дров нет. Олух! А GPS на что?! Скачками я вернулся назад, засек на приборе Серегины координаты и снова ринулся в гору.

На перевале, опустившись на камень отдышаться, я разглядывал сверху вытянутое оловянное пятно озера и наши крохотные палатки у его заостренного кончика. До них было еще топать и топать. Я перевел взгляд левее, и то, что я увидел, заставило меня тотчас вскочить на ноги. Чукчи! Их стойбище виднелось почти прямо подо мной, причем гораздо ближе нашего лагеря. А кроме того – у них есть олени, нарты! Мы объедем хребет вокруг быстрее, чем я на него взбирался.

...Часа через три, уже в синеватых сумерках, стрелка прибора вывела меня точно на Серегу. Двое нарт остались внизу, у подножия, так как оленям было их сюда не втащить. Втроем – я, старик-ненец с поврежденным, похоже, незрячим глазом и мальчишка, одетый, несмотря на холодный ветер, в тонкую рваную болоньевую курточку, кое-как спустили раненого обратно к ручью.

– Это нам знак. Предупреждение... – пробормотал вдруг приятель.

– Ты о чем? – не понял я.

– Так, о своем... – ответил он, размещаясь с помощью старика на узеньких нартах.

Дальше можно было не беспокоиться – олени потащили нас по камням, мелким кустикам, по галечным косам быстрее и ловчее вездехода.

В лагерь прибыли полночь. Наши спасители были довольны не меньше нашего и еще часа два пили у нас чай.

Сергей угадал: у него оказалось растяжение, но довольно серьезное, так что о маршрутах уже говорить не приходилось. Впрочем, нам оставалось доработать совсем немного, примерно через неделю нас обещали вывезти.

10

– Один за перевал не ходи, – без привычной веселости наказал мне Антон. – Случись что – мы тебя и не найдем никогда. А я отвечаю не только за результаты, но и за вашу жизнь. За жизнь даже больше. Вам с Серегой еще повезло, все могло кончиться гораздо хуже. А если бы чукчей не было?

Я понимал, что он прав. Досадно – не успел доопробовать ту долину... Досадно, что, промыв почти тысячу проб, так ничего существенного и не обнаружили за весь сезон. Опытные шлиховщики, ёлкина мать!

Последние маршруты я дорабатывал в одиночку и неподалеку от озера.

Как-то вечером, возвращаясь в лагерь, я свернул к холму, где стояли оленеводы. Собаки, лохматые, с маленькими глазками, бросились с сиплым лаем мне навстречу и окружили, продолжая вперебой лаять, показывая розовые с черными пятнами пасти. Интересно, что когда я прибежал сюда за помощью, я этих собак вообще не заметил, не запомнил их, хотя они наверняка так же лаяли и так же окружали меня.

Возле четырех чумов в беспорядке стояли шесть нарт, людей видно не было. Потом на лай вышел уже знакомый мне пожилой ненец с травмированным глазом, двое помоложе и мальчишка.

– Зашел вот по пути – еще раз поблагодарить вас, – объяснился я, но они, кажется, не поняли.

С нескрываемым любопытством разглядывал я первобытную стоянку.

– Хочу посмотреть, как ваше жилище устроено, – сказал я. – Может, себе такой же чум сделаем.

Захихикали, переглядываясь.

Я ожидал, что чум покрыт шкурами оленей или хотя бы кожами, но оказалось, что это брезент – грязно-зеленый, прорезиненный, с белесыми пятнами. Пятна – это где он уже выкрошился и просвечивает серая сетчатая основа. Брезент этот наброшен на каркас из длинных плоских жердей, воткнутых в землю по окружности и связанных вверх. Снаружи брезент оплетен по спирали веревкой, а его длинные края, лежащие на земле, по всему периметру придавлены валунами.

– Не сдувает? – спросил я, закончив осмотр.

– Нет, не сдувает.

– А вот у нас палатки едва не уносит. Давайте меняться: чум на палатку, – предлагаю с серьезным видом.

Заулыбались, понимая, что шутка, повторяя друг другу: «Чум на палатку».

– Ходи гости, – отвел пожилой ненец край брезента.

Согнувшись пополам, протискиваюсь. Удивительно: внутри растет густая свежая трава. (А у нас внутри палаток давно все вытоптано до плотной глины с щебенкой.) На траве у стенки – горка ватных одеял, посредине – низенький ящик-столик с кружками на нем. На крючке из проволоки висит над едва тлеющим кострищем черный чайник. Дым от угольков тянется в дырку в вершине конуса, воздух чистый.

– Чай? – проследили мой взгляд хозяева.

«И это весь их дом!» – поражаюсь я невольно, вспомнив свою, обставленную мебелью и бытовой техникой, опутанную всевозможными проводами квартиру.

– Чай? – тянется к чайнику старик.

– Нет, спасибо, чай дома буду пить, в лагере.

– А, лагерь, – закивали дружно. – Сухари есть? – неожиданный переход.

– Есть. Можем поделиться.

– Соль есть?

– И соль есть. Приходи, – предлагаю старшему.

– Бензин есть? – продолжается допрос.

– Дней через пять уезжаем, – разъясняю я. – Вездеход или вертолет заберет. Бензин вам оставим.

– А-а, вертолет, – кивают и смотрят вверх, будто он уже летит.

Один из тех, что помоложе, порылся в ящике у стены, извлек оттуда закоптелый бензиновый примус «Шмель» и энергично потряс им.

– Пустой? Понятно, – кивнул я. – Нужен бензин для примуса.

– Ветки – маленький, – показывает старший на не догоревшие в кострище хворостины. – Огонь надо – чай грей надо, руки грей.

– Ясно. Приходи через пять дней. Пять дней! – растопыриваю я пять пальцев.

Через час я добрался до лагеря, умылся в озере, переоделся. Откидываю брезент, захожу в кухню, а там – один из моих недавних собеседников. Сидит, опустив голову, точно незадачливый школяр. Рядом на лавке – замызганный мешок в рыбьей чешуе.

– Нет, рыбы нам не надо, – строго внушает ему Татьяна Ивановна. – У нас самих ее полно.

– Да пусть оставит, – говорю. – Вертолетчикам дадим. Соли хочет? Соли нам жалко, что ли? Я бы вообще всю отдал: и груз нам лишний, и не стоит ничего, а им всегда нужна.

Оторвавшись от супа, Антон поднял на меня глаза:

– Бензин просит.

– Ну так отдай.

– А вдруг не улетим? У нас и угля почти не осталось, и газ кончается. Уезжать будем – тогда оставим.

– Я вообще-то так ему и сказал, но он, видимо, не понял.

– Вертолет... услышишь: тр-р-р-р – беги сразу сюда, – обратился к гостю Серега. – А сейчас что надо? Соли? Сколько соли надо?

Тот показывает на пальцах: три.

– А говорили: считать не умеют, – хмыкнул Ленька. – Всё дурачками прикидываются...

Выдали ходуку и сухарей, и свечку одну. А он вывалил из своего мокрого мешка в наш пластмассовый таз восемь некрупных гольцов, показал у одного выпотрошенное брюхо, бледно-розовое:

– Свёзи.

– Видно, что свежий, – согласился я. – Приходи: доски от нар останутся. Тоже топливо.

11

Вообще-то сначала нас собирались вывезти вездеходом. Потом дошли сведения, что не то вездеход сломался, не то вездеходчики забастовали, напуганные нашим бездорожьем. Словом, с вывозкой дело затянулось.

– У нас уголь на исходе, уголь на исходе, – повторял Антон на связи с главным геологом. – Как понял? Прием.

– Понял тебя. Не волнуйся, Антоша, – слабо доносилось в ответ. – 27 числа, возможно, будет борт, будет борт, попутный... возможно, подсядет к вам, заберет часть людей. Остальных, остальных – вездеход...

Связь оборвалась.

Через два дня среди эфирного шороха и треска удалось расслышать: «30-го... 30-го всех вас заберет!»

А 30 мы проснулись под грохот прибоя, вой ветра и хлестанье дождя по пластику палатки.

Вечером узнаём, что борт все же вылетал, но на подлете к горам пилоты увидели, что ущелье плотно затянуто тучами, и пошли на Воркуту.

Просто рок какой-то – что с заездом сюда, что с выездом. Теперь следующая дата – 2 сентября.

– Это Глеб говорит так, чтобы нас сильно не расстраивать, – заключил Серега. – Иначе честно сказал бы: пока все глухо да и погоды нет.

– Дурит нас, как пионеров, – оскалил зубы Антон. – «Вертолет будет 27, но не точно, а затем, мол, – и вездеход». Ни того, ни другого! Как вездеходчиков дурил насчет расстояния, так и нас дурит со сроками вывоза.

– Нашли бы золото, небось вывезли бы в срок, – добивает нас Никита.

– Интересно, какого размера были бы премии? – издевательски оглядывает всех Ленька.

– Тебе на гроб бы хватило, – не сдерживаюсь я.

– А тебе? – не остается он в долгу.

– Тундровая болезнь неизлечима, – констатирует Серега.

Который день трясутся под напором ветра палатки, хлопает пластик, скрежещут железные каркасы. Нескончаемо ползут по склонам гор облака, размазанные, разлохмаченные, осыпают нас мелким холодным дождем, вершин не видно.

Мы давно уже не моемся – не то что в бане (банную палатку и протопить-то нечем, угля – кот наплакал) – вообще никак. Лишь физиономию утром ополаскиваем слегка, да и то, наверное, зря, поскольку ее и без этого ополаскивает дождем. Как-то раз после такого умывания я вытер лицо белым мешочком для образцов – на нем отпечатались черные пятна.

– Хорошо, что ложимся в темноте, – шутит перед сном Антон. – Вкладыш не видно, какого он цвета.

– Превращаемся в чукчей, – хмыкает в своем углу Ленька.

– Скорее, в кочегаров, – возясь у печки, ворчит Никита, бронзовый от света пламени.

При забросе в раскаленную топку очередной порции угля оттуда вырываются струи удушливого дыма, а по воздуху плывут, постепенно оседая на наши головы, ниточки и кляксы жирной копоти.

Неужели мы когда-нибудь отмоемся? Неужели сбросим с себя эти продымленные, засаленные, обрыднувшие робы? Неужели я когда-нибудь надену чистое белье и домашние тапки, смогу выпить чаю хотя бы с пряником, а не с бесформенным, окостенелым серым

сухарем? Все это представлялось уже почти нереальным. Реальность – это заскорузлые, разбухшие от постоянной работы в воде руки, холодные сапоги с влажными липкими портянками, пропахший потом «костюм егеря», а еще – горы, белые от снега, ветер, треск и трепетание палатки, скрежет разделки о трубу, копоть и угольный чад... Скрежет, ветер, дождь... скрежет...

Мысли о золоте сами собой отошли на зданий план. Кажется уже: плевать на все, на результаты, на престиж, на перспективы, лишь бы выбраться отсюда.

Чтобы как-то занять мозги, отвлечься от нудности ожидания, мы все, кроме Сереги и Татьяны Ивановны, дни напролет «расписываем пулю».

– Ну пошла разлюли-малина! – замечает по этому поводу геологиня.

Когда преферанс приелся, перешли на пасьянсы. Потом на кроссворды. Когда и те осточертели, взялись за изготовление свечей. В банках, куда мы втыкали свечи, оказалось много нагоревшего парафина, он-то и послужил сырьем для производства.

В кухонной палатке стоит тошнотворный чад. Один растапливает в консервной банке парафин, другой скручивает из распущенной веревки фитили, у третьего (Ленчика) уже полыхает, густо дымя, целый факел.

– Маленький свечной заводик организовали, – белозубо улыбается Антон. – Можно чукчам продукцию поставлять. Менять на оленей! Одна свечка – один олень.

Выпили последнюю бутылку водки. Разливая по пластиковым стаканчикам очередную порцию, Ленчик плеснул слегка на крафтовую бумагу, служившую нам клеенкой и изрядно засаленную.

– Еще раз прольешь, – сурово проговорил начальник, – заставим крафт съесть. Он жирный – сразу и закуской тебе будет.

– Нет уж, – возразил Никита. – Лучше оставим его на черный день.

Серега, ссутулившись и прихрамывая, бродит по лагерю с одичалым видом: разлохмаченные, усыпанные дождевыми каплями волосы на голове, поросший шерстью подбородок, сморщенный лоб. Или часами сидит за столом в оцепенении, глядя в одну точку, как будто решая какой-то мучительный вопрос. С того дня, как слетел со снежника, он заметно переменялся, замкнулся в себе.

– Эй, Сергуня, ты где? – шутливо провожу я растопыренными пальцами перед его глазами. – Ау.

– Кажется... здесь, – медленно, тягуче отвечает он.

– Ты случайно не подвержен депрессиям?

– Не-е-ет, – тускло звучит голос, – не подве-е-ержен.

– А тундровой болезни? – хихикает Ленька.

На восьмой или девятый день – обнадеживающая весть: борт готов к вылету. Куда и девалось всеобщее уныние и апатия! Поверилось, что если мы будем хорошо себя вести и быстро соберемся, то сегодня нас отсюда заберут. Кинулись паковать всё в мешки и ящики, таскать пробы и личные рюкзаки на подготовленную нами вертолетную площадку, обозначенную по углам флажками. Флажки – белые мешочки, подвязанные к вогнанным в грунт лопатам.

Один Серега не проявлял рвения и, похоже, не разделял наш оптимизм. В какой-то момент мне показалось, будто он хочет мне что-то сказать. Но он лишь как-то странно посмотрел на меня и промолчал.

Итак, собрали всё, кроме палаток. И вот сидим в загроможденной ящиками и коробками кухне. Ждем – час, другой. Продукты, посуда – все убрано, а уже и поесть бы нелишне, хоть чаю глотнуть. Да и ноги стынут, а печка унесена на «аэродром».

Дождались: мгла заволокла окрестности, посыпал дождь, смыл последние надежды. Ветер тем временем сорвал тент с груза на площадке, а дождь принялся орошать наши рюкзаки и мешки с сухарями.

Ближе к вечеру получили сообщение: вертолет к нам в долину проникнуть опять не смог – низкая облачность. И это была последняя его попытка. Теперь план другой: до нас должен добраться один из полуживых вездеходов, вытащить нас из гор на равнину, а туда, есть шанс, сможет попасть вертолет. Нет, больше не верю! Мы не выберемся отсюда никогда!

Вяло потащили все обратно, вернули на место печки, подсоединили к плите газовый баллон, поставили кипятиться чайник. Лица у всех – как поверхность озера Очеты. Кухню едва освещает огонек последней самодельной свечи.

– Кто чукчам свечи раздал? – ворчит беззлобно Антон и поглядывает на меня.

– Без свечек еще можно жить, а вот без угля... – ответно смотрю я на него.

Угля осталось всего полмешка...

– На крайний случай – чукчи не так далеко, – успокаивает всех Антон. – Не дадут же пропасть. Или бросим лагерь и потопаем пешком к Галине.

– Дойдут сильнейшие, – мрачно шутит Никита. – Остальные останутся лежать на разных этапах пути.

– Что поделаешь... Таков закон эволюции, – философски изрек Антон. – Он тут работает.

– Или придется ждать зимы, чтобы вывезли по снежнику, – продолжил я мысль.

– Наши замерзшие тела, – уточнил Антон. – Угля у нас от силы на один день. И всё.

– Ну, еще же нары есть, – напомнил Ленька. – Будем их жечь. И столы. Начнем со стола Татьяны Ивановны.

– Я на нём камералю, это вы бездельничаете, – огрызнулась женщина.

– А правда: уголь кончится – что будем делать? – серьезно спросил Никита.

– Вызовем санборт, – вспомнил Ленька Галинины угрозы про санрейс.

– Каким образом, интересно? Рация уже не тянет – аккумулятор сдох, – охладил его Антон.

– По космической связи.

– То же самое: заряда хватит дня на два, не больше.

– То есть, мы остаемся еще и без связи... – проговорил я, вникая в смысл своих же слов.

– Повторим судьбу капитана Скотта, – хмыкнул Никита.

– Не выйдет, – возразил Антон. – Тот хоть до полюса дошел, а мы даже самого захудалого рудопроявления не вывели. Так что кончина будет абсолютно бесславной.

– И главная беда, – приподнял склоненную голову молчавший до сих пор Серега, – что нет ни одного фуфюра, чтобы дринкнуть и обо всем забыть.

12

Неожиданно ясный розовый рассвет, морозец, алые сыроежки, покрытые льдом, брусника в белой пудре изморози. Связи с миром у нас уже никакой, но в такой-то божий день должны же вспомнить о нас!

– Теперь точно уедем, – объявил Сергей, как будто у него свой верный источник информации.

Никита с Лёньчиком с утра по очереди дежурили на холме, откуда лучше просматривалась долина Очетывиса.

...Когда садящееся солнце коснулось зубцов скал, Никита вдруг запрыгал на вершине, замахал бешено руками, точно птица крыльями. А вскоре мы и сами расслышали отделенный, постепенно нарастающий рокот. Нет, не рокот – симфонию, гимн жизни!

Минут через двадцать вездеход остановился возле палаток. Из одного его люка показалось улыбающееся грязное лицо Узбека, из другого – хмурое бородатое – Глеба. Сверху на кабине восседал помощник водителя Павел.

– Ребята! Танкисты! – ликовали мы.

– Ребята, как мы вас ждали! – призналась Татьяна Ивановна, едва не прослезившись.

– Знаем, – кивнул Узбек. – Извините, раньше не могли: вездеход совсем посыпался. И сейчас все на соплях. Если бы не вас вывозить, не поехал бы, верняк.

– Что стоите? – прикрикнул на нас Глеб. – Быстро сворачиваем лагерь и выезжаем.

– Может, хоть чаю выпьете с дороги? – предложила Татьяна Ивановна главному.

– Некогда. Завтра утром на равнине сядет борт, мы должны быть там. А вездеход уйдет к Галине. Если опоздаем – ждать не станут.

– Как у Галины результаты? – осторожно спросил Антон.

– Как и у вас, – мрачно процедил Глеб.

Чай выплеснули, принялись лихорадочно собирать лагерь. Возбужденно, толкаясь, без всякого порядка забрасывали вещи в грузовой отсек и на верхнюю площадку.

На этот раз никто не роптал из-за того, что выезжаем в ночь.

Через час мы уже ехали вслед заходящему в лиловой дымке солнцу.

Ликование как-то быстро прошло. Я смотрел назад – на опустевшую истоптанную площадку бывшего лагеря, брошенные нары, стол и скамейки на месте кухни, кучи шлака, на изборожденное волнами, темное и уже совершенно дикое незнакомое озеро, на холодно взирающие на нас сверху заснеженные исполины – и не находил в себе ни грусти, ни особой радости.

Мы покидали горы не победителями, не торжествующими укротителями природы, не открывателями месторождения – мы, казалось мне, бежали от них – домой, в скопища других людей, в цивилизацию.

Справа за речкой проплыл мимо нас длинный пологий холм с многочисленными фигурками оленей и пирамидками стойбища ненцев. Вспомнилось, как спешил к ним за помощью, чтобы вывезти Серегу, как позже заходил в гости и предлагал поменять чум на палатку. Сейчас возле одного из чумов я разглядел человечка. Вот он юркнул внутрь жилища, и тотчас же оттуда выскочил человечек поменьше – мальчишка – и побежал к нам.

– Стой! – встав на четвереньки, прокричал в водительский люк Антон.

Тягач замер, рывком вместе с нами качнувшись вперед. Пахнуло горячим машинным маслом. Из левого люка высунулась голова Павла, из правого – Глеба.

– Что случилось? – спросил главный.

– Мальчишка вон бежит. С канистрой. Мы им бензин обещали.

– Ну дак поставь на дорогу и поехали – подберут. Где ваш бензин?
– Кто грузил бензин? – обернулся Антон к остальным.
Мы все молчали. Никто не помнил, куда в суматохе сунули канистру.
– Наверное, где-то внутри, – промямлил Никита.
– Надеюсь, ты не предлагаешь выгружать все барахло из-за канистры бензина? – поглядел на Антона главный.
– Лично я выгружать отказываюсь, – твердо заявил Ленька.
Между тем мальчишка продолжал бежать, перебрел речку, продрался через заросли низкорослого ивняка. До нас ему оставалось еще метров триста.
– Поехали ему навстречу, – предложил Серега.
– Еще один! – сокрушенно покачал головой Глеб. – Забыл что ли, как в пливуне сидели? И я же вам сказал: к утру мы должны быть на равнине в полной готовности. Всё, поехали, – приказал он Павлу.
Взревел мотор, тягач с лязгом, испуская тучи горького дыма, двинулся дальше.
Все мы, сидящие сверху, смотрели назад.
Мальчишка остановился и помахал нам пустой канистрой. Мы удалялись. Он помахал снова. Я отвернулся, уставился прищурясь на заходящее солнце.

Когда на рассвете встали на равнине, выгрузились, разметили вертолетную площадку – с помощью все тех же лопат и белых мешочков – и сели передохнуть, Серега отозвал меня в сторонку.

– Хочу признаться тебе в одном грехе, – промолвил он, глядя на отдаленные, нехотя выступающие из тумана и уже совсем не грозные горы.

– Я что, твой духовник? – усмехнулся я.

– Мы работали вместе два с половиной месяца... Тебе я должен сказать... – он помедлил, как будто все еще колеблясь. – Так вот. В общем, когда мы с тобой были в самом дальнем маршруте, за двумя перевалами – помнишь? когда я еще на снежнике поскользнулся – и мыли каждый своим лотком в разных ручьях – в двух пробах у меня выскочило весовое золото.

Я перестал ухмыляться.

– Слушай дальше. Я эти два шлиха положил отдельно, а тебе ничего не сказал. И пока они находились у меня, мы не могли оттуда выехать. *Понимаешь?* – блеснул он на меня взглядом. – А позавчера я их выбросил. И сразу все пошло на лад.

– Бог тундры Нум? – посмотрел я на приятеля как на неизлечимо больного.

– Нум – не Нум... а это единственное, что я смог для здешних чукчей сделать, – он помолчал немного и прибавил: – Но можешь считать, что у меня просто тундровая болезнь...

Из цикла «В глубинах России»

Как помочь Гере? Повесть

1

Сначала я подумала: надо же – *художник!*

Хотя нет, сначала я увидела все эти картины – тайга, горы, реки, сине-черные камни в пенных потоках. Божечки, сколько их! Полотен, я имею в виду. Почти картинная галерея. Они даже на веранде были развешены, все эти горы – темные оголенные и розовато-голубые заснеженные – и озера, их отражающие. Стою, рот разинув.

А Капитана мне и говорит... (это Вася, сезонный рабочий, так нашего начальника отряда прозвал – «Капитаной» – на эвенкийский манер).

– Это, – говорит, – Гера, знаменитый местный художник.

Мне еще пришло на ум, что он (Марк, то есть) вполне мог бы работать гидом, так серьезно это у него прозвучало.

Вот. А потом я подумала: наверное, интересный мужчина этот Гера. Художник как-никак, тонкая натура и всё такое. Я прямо-таки увидела его (в воображении, разумеется): бледное лицо, немного печальные умные глаза (у мужчины обязательно должны быть умные глаза), тонкие чувствительные пальцы, как и полагается художнику. Наверное, от здешних женщин у него отбоя нет.

Капитана между прочим сообщает:

– Скоро познакомишься: в маршруты с тобой ходить будет. Я второй сезон беру его в отряд рабочим.

И стал подробно рассказывать (ну настоящий гид!), что картины свои Гера пишет с натуры – неделями пропадает в тайге с красками и этюдником, выискивает какие-то особые места и наблюдает за ними днем, вечером, ранним утром, не ест и не пьет... Потом с этюдов делает большие полотна. А когда ему приспичит, он легко с ними расстается – продает по тысяче рублей за штуку. И что Гера не только художник, но и охотник, рыбак и вообще таежный человек...

Пока он говорил, подумалось, что до сих пор мне почему-то в напарники доставались всё какие-то бичи, забулдыги, а тут надо же – художник! Местная знаменитость! Это значит – интересное общение, тонкие чувства, а может быть, даже... я ведь женщина еще вполне... бальзаковского, можно сказать, возраста. Словом, мне не терпелось с ним увидеться. Но пока что приходилось довольствоваться его горами и озерами, развешенными на стенах.

Две дамы из соседнего отряда тоже, поди, заинтересовались этим Герой: через Марка заказали у него пейзажи. И вот как-то слышу: «Гера картины принес». Ну наконец, дождалась! Я бегом – губы подкрасила, перышки распушила, выхожу...

И что я вижу? Господи, что я вижу?! Ну да, две картины стоят у столбиков крыльца проветриваются, не просохли еще; видать, на скорую руку состряпал. И обе почему-то коричневые, как из солярия. Это я чуть позже разглядела. А где же сам художник – тот, что с бледным лицом и печальными умными глазами? Не может быть! Обман! Подвох! На ступеньках сидит покуривает какой-то замухрышка, одетый как последний охламон, весь как будто прокопченный до черноты, провяленный, мрачный, с острым птичьим носом и черными злыми глазками. И по всему видно: женоненавистник.

«Как дым развеялись мечты...»

– Герочка, – одна из заказчиц спрашивает, – а почему на них только коричневые цвета?

– Не нравится – не берите, – оскаливается живописец, демонстрируя выщербленный зуб. Вот уж красавец!..

А Марк серьезно поясняет:

– Гера их в солнцезащитных очках рисовал. – (Он всегда так шутит – с непробиваемой миной).

Одна из дам:

– Гера, правда, что ли?

Гера – ноль внимания. Сидит себе покуривает.

А Марк мне шепотом:

– Просто у Геры все другие краски кончились, кроме коричневой и черной.

Коричневой и черной... Как это уныло.

«Что ж, – скрепилась я, – такая уж, видно, моя планида – с охламонами работать».

2

Когда грузились в машину, Гера вместе с дорожной котомкой и старым спальным мешком мышиного цвета забросил в кузов ободранный деревянный ящик-этюдник.

– Гера будет в маршрутах картинку рисовать, – подтолкнул меня плечиком Вася (уже упомянутый мною рабочий). Василий парень заметный – вихрастый, румяный. Мне он напоминает бравого солдата из русских народных сказок. Кажется, сейчас возьмет – и суп из топора сварит. Лучше бы Марк мне в напарники этого бравого солдата дал вместо злюки-художника. Картинки он в маршрутах будет рисовать? Так я ему и позволила! Что касается работы – тут я строга.

Этот его этюдник болтался у нас под ногами всю дорогу, на него наступали (и сам Гера – первый), на ухабах его подбрасывало вместе с нами. Ну разве настоящие художники так относятся к своим причиндалам?

Палатку мою, я потребовала, чтобы поставили на благопристойном расстоянии от остальных. Все-таки единственная женщина среди своры мужиков. Пусть не забывают об этом. Палатка – одно название: из тонкого капрона, размером с собачью конуру. Как можно в такой жить?

Геру дали такую же, а начальник с остальными двумя рабочими – Василием и Петром-эвенком, – занял шестиместную брезентовую, старую, зато с печкой. Вот гусь! У входа в их жилище тут же улегся здоровущий Васин пес.

Ничего, посмотрим еще... Мерзнуть я не намерена.

Место, правда, оказалось симпатичное, ничего не скажешь: ровная терраска с нежно-зелеными листовницами, мягкий как пряжа мох, внизу под обрывом – речушка. Звенит хрусталем. И вода хрусталь! Но холодная-я-я! Ужас! Камни торчат из нее, прямо как на Гериных картинах – сине-черные, в белой пене. И горы вокруг тоже очень похожие.

Только закончили с обустройством, как Гера вытащил из своей котомки складную удочку или спиннинг (я не очень-то разбираюсь) и утопал. Станный все-таки мужик: собрался и утопал. И никому ни словечка.

Сидим вечером у костра: темнота, звездочки над черными горами искрятся, речка журчит-напевает... Воздух – не надышаться! Вдруг Васин пес ощерился, рычит и к хозяину жмется, герой.

Из темноты выходит привидение. В первую секунду мне самой захотелось к Васе прижаться, хотя я не из трусливых.

Человек без лица: под капюшоном – черно, как будто пусто. Только возле огня показался острый Герин нос и глаза заблестали по-волчьи. Волк да и только!

– Нету рыбы, – из-под капюшона.

Поймал всего пяток мелких хариусков. Мои рабочие в прошлые годы таких и не брали – обратно в речку выпускали.

Капитана:

– Если Гера ничего не выловил, то нам и пробовать не стоит.

А эти, Василий с Петрухой, сейчас же давай издеваться:

– Да ты небось на пустой крючок ловил! Наживку сам стрескал!

– Гера вместо рыбалки по берегу на четвереньках ползал – траву драл.

Смотрю – точно: вытаскивает из одного кармана пучок тонкого дикого лука, из другого – комок каких-то проволочных стеблей с листочками, похожими на листья багульника, только мельче.

– Что это? – спрашиваю.

– Сахан-дайля, – важно так отвечает (он же лесной человек как-никак, почти знахарь!). – Целебная, – дескать, – но в чай тоже годится, – и сует мне под нос комочек этой зелени.

Пахнет, как ни странно, приятно, чем-то знакомым, бруснично-карамельным.

Пока нюхала – смотрю: рукава у Гериной куртки до подмышек мокрые, штаны тоже вымокшие выше сапог.

– Ты что, купался в одежде? – спрашиваю.

Как будто не слышит. Стянул молчком сапоги, вылил из них воду, размотал раскисшие портянки и зашвырнул их вместе с носками куда-то под куст. А сам, босой, уселся на валежине у костра с пол-литровой кружкой чая. Из кружки торчат в разные стороны стебли этой самой... как ее там? Забыла.

– Как эта твоя целебная трава называется? – спрашиваю.

– Сахан-дайля.

Торчат, значит, из кружки пучки этой целебной сахан-дайли, можжевельника и еще бог знает какой местной флоры.

Казалось бы: ну что мне до него? Нет же, такой дурной характер: за всех переживаю.

– Подсушился бы хоть, – советую, – портянки бы у огня повесил.

– Тебе-то что за дело? – скривился.

Ишь, колючка какой! «Что за дело...»

– Тебя, между прочим, – говорю, – мне в пару дали. А мне больные помощники не нужны!

– Все равно завтра намокнут! – махнул рукой. И рот оскалил с выщербленным зубом. Бр-р-р!

Надувшись чаю, тут же у костра и разлегся, прямо на мху – довольный – как у себя дома.

3

В маршрут Гера потопал в ботинках. Шлепал в них по болотам и по ручьям, как будто не замечая ни холода, ни противного чваканья при каждом шаге. Даже мне неприятно было это чваканье слышать. А каково ногам? Радикулит себе зарабатывает. Зато когда полезли в гору, он получил преимущество: мои ноги в сапогах через короткое время буквально раскалились, Гера же скакал козликом с камня на камень в своих ботиночках. В гору он, надо признать, карабкается бодренько, еще и меня обгоняет. Но иногда замрет и стоит, точно сурикат в документальных фильмах о природе. Должно быть, живописует. Мысленно. На деле же рисовать некогда, работы полно. Я его сразу предупредила.

Забрались на гребень хребта. Самое место и время передохнуть. Я скорее разулась, ступни намученные подставила под ветерок. Ух!

Рабочий же мой вмиг куда-то исчез. Никак по нужде? Появляется с охапкой незнакомых мне растений с пластмассовыми листьями и крупными бледно-зеленоватыми цветками – как из цветочного магазина.

– Кашкара! – объявляет мне. – Помогает при боли в животе и в коленях.

– У меня колени не болят, – говорю.

– Полазишь по горам – заболят. А еще ее в чай можно класть, хотя она немного горьковата.

На обеденном привале он ее бросил-таки в чай. В итоге пил этот чай один.

Перед чаем он, кстати, открыл и умял банку холодной тушенки. Предлагала ему: давай разогреем на костре. Нет.

– В животе согреется!

Что ж, грей.

Когда в конце дня опять спустились к ручью, Гера, словно ищейка, головой туда-сюда покрутил, принялся и сразу же приметил и выкопал руками (чуть не сказала: лапами) золотой корень. По научному – родиола розовая, ее-то я знаю.

– Бери, настойку сделаешь, – сует мне грязные растрепанные корневища.

– Какая настойка?! Я вообще не пью, будет тебе известно.

– Какая ж ты тогда геолог? – удивляется.

Что же, все геологи обязательно должны быть пьяницами?

Пока шли к лагерю, он всё собирал травы и мне показывал – и сахан-дайлю вчерашнюю, и какую-то янду с синими цветками, похожими на колокольчики, и каменушку, родственницу черной смородины – паху-учую-ю-ю!

Когда входили в лагерь, у него из всех карманов, из кармашков рюкзака и даже из ботинка торчали пучки всевозможной растительности. Я не выдержала, расхохоталась. Пошутила (хоть и грубовато):

– У тебя, Гера, разве что из одного места еще трава не торчит, а так отовсюду!

В ответ неразборчивое – бу-бу-бу.

Все это аптечное зелье Гера развесил под сводом палатки-склада, и когда я забиралась в нее за крупой или консервами, за шиворот мне сыпались разные листики и цветочки. Потом я находила их у себя в карманах, в сапогах и даже в спальном мешке.

4

Не пойму я этого Геру. В маршрутах в жаркий день парится, даже куртку не расстегнет. Как-то остановились у ручья.

– Давай, – предлагаю, – освежимся.

В самом деле: чего мучиться-то?

Молчит.

– Ладно, – говорю, – ты – как хочешь, а я немного поплещусь. Отвернись, пожалуйста.

Отвернулся и просидел болванчиком – в плотной штормовке под солнцем.

Зато в непогоду бродит по лагерю или сидит у костра босой, в мокрых до колена штанах и курточке, набрякшей от дождя. Вокруг него – туча комаров, с капюшона на штаны падают капли.

Не понимаю: есть же плащ, сапоги, я сама в плаще до пят, а этот – нет, будет сидеть и мокнуть. Что за человек!

Однажды не вытерпела, воскликнула в сердцах:

– Ну что за мужики! Вы, мужики, как дети – не можете о себе позаботиться! Сидишь мокрый, мерзнешь... Ну хоть бы плащ на плечи набросил!

Тут его точно прижгли:

– Это вы тут как дети! А мы здесь местные, привыкшие!

Прямо распирает его оттого, что он такой крутой таежник, сидит мокрый, и ему хоть бы хны, а мы, избалованные цивилизацией горожане, в плащах. Будто я впервые в поле. «Привыкший»... Привык ни о чем не заботиться, жить как дикарь. Вася столик маленький сколотил, так этот – нет же, ест прямо на земле, миска – между грязными босыми ступнями. Как-то наблюдала картину: Гера хлебает суп, а комары и мошка грызут его ноги. Гера нащупывает за спиной аэрозольный баллончик с ядом против гнуса и давай опылять им кисти рук, ступни, а заодно – и миску с супом. И преспокойненько ест дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.